

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ЗМЕЯ ЗОЛОТАЯ

Пьеса в семи картинах.

город Екатеринбург

2016 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВИКТОР, 20 лет

СВЕТА, 40 лет

ИРА, 20 лет

ТЁТЯ ЛЮБА, 60 лет

*Шиномонтажная мастерская, автомагазин
и автомойка у железнодорожного переезда. Наши дни*

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Начало апреля.

На выезде из города у железнодорожного переезда, где шлагбаум, рядом, стоят, приткнувшись друг к другу: шиномонтажная мастерская, потом автомойка, потом - магазин запчастей. Всё одному хозяину принадлежит, всё под одной высокой крышей.

У шлагбаума время от времени скапливаются машины, с одной стороны переезда и с другой. Стоят, ждут проходящий поезд, пищит сигнализация, красным огнем горит сигнал об опасности, поднимаются ступени железные, чтобы никто не проехал.

Стоят машины, ждут поезд.

Шофера сидят в машинах, зевают, музыку слушают из своих магнитол. Кто-то выходит и смотрит на поезд, курит, а кто-то, проваливаясь в подтаявший снег, бежит в лес у дороги - сходить по-маленькому.

У шлагбаума гордо стоит, радуясь своей значительности, тетка в фуфайке, поверх фуфайки у неё оранжевая светоотражающая куртка.

Она стоит, флажок держит в руке и всем своим видом показывает, что это она, она одна на передней линии фронта, и что она никого не пустит, а только поезду, зверю огнедышащему, она даст дорогу.

Возле машин собаки бездомные бегают, заглядывают пугливо в окна к шоферам, просят подачку. Кто-то что-то им кидает, какие-то объедки.

Шиномонтажка крошечная, пять квадратных метров всего, поди. Узкий и ветхий пенальчик. Возле шиномонтажки много старых автопокрышек навалено.

Вечер.

Горит свет в магазине, горит свет в шиномонтажке, и темно в боксе автомойке – кто захочет в такую грязь машину мыть?

На магазине, шиномонтажке и автомойке дюралайт светится. Жёлтые огонёчки, мигают. Обмотаны дюралайтом стены, крыша, двери, чтоб красивее было. Дюралайт мигает и мигает. Будто жёлтая змейка прижалась к стенкам. Свет падает от дюралайта на снег и снег грязновато-белый отсвечивает. Еще на шиномонтажке светящая надпись «Открыто» - красным светится, и тоже мигает.

Возле магазина автозапчастей стоит деревянный грибок со скамейками – место для курения.

ИРА, продавец, ходит по магазину запчастей. Видно в окна, как она что-то на полках переставляет, ценники поправляет, влезая на стремянку.

У двери шиномонтажки, сильно прижавшись, стоит белый, обрызганный грязью, «Мерседес», багажник машины открыт.

У машины - СВЕТА.

Ей сорок лет, она в роскошной пятнистой шубке, в ушах у Светы бриллиантовые сережки, и кольца на пальцах у неё тоже с крупными бриллиантами. Она в штанах, штаны заправлены в сапоги – сапоги на высоком каблуке. Видно, что Света - небедная дамочка.

ВИКТОР в очень грязной рабочей одежде, стоит, курит, слушает Свету, смотрит на неё и улыбается.

СВЕТА. У меня тут дача за переездом. Ну, вы знаете – коттеджный посёлок «Чистый родник». Всего десять домов. Охрана, забор. Посёлок для ВИП-персон. Даже не дача, а дом. Три этажа. Мы живём, в основном, там, не в городе. Я очень богата. И, в основном, живу здесь, здесь свежий воздух. В основном.

ВИКТОР. В основном.

СВЕТА. Что?

ВИКТОР. Нет, ничего.

СВЕТА. Ну вот, «Чистый родник».

ВИКТОР. Знаю.

СВЕТА. Я еду туда.

ВИКТОР. Очень хорошо.

СВЕТА. Мне нужна помощь.

ВИКТОР. Слушаю.

СВЕТА. Достаньте колесо из автомобиля.

ВИКТОР (*смеётся*). Нельзя так серьёзно. Надо говорить: «Из самоходной тележки из моей достаньте мне колесо».

СВЕТА. Что?

ВИКТОР. Да нет, я так. Весело. Весна ведь.

СВЕТА. Что? Я говорю про колесо – достаньте его. Я не смогу достать. Ну, вы видите. В моем положении.

ВИКТОР. Я что, отказываюсь?

СВЕТА. Ну, вы же стоите и не идёте к машине.

ВИКТОР. Пойду сейчас. Докурю и пойду.

СВЕТА. Я заплачу. Достаньте. Можно?

ВИКТОР. Можно Машку за ляжку, можно козу на возу, а у нас в армии говорят: «Разрешите?».

СВЕТА. Что? Это какая-то глупая шутка?

ВИКТОР. Я говорю: почему нельзя-то. Любой каприз за ваши деньги. И вашим, и нашим – споем и спляшем.

СВЕТА. Да, да, я заплачу. Вы принимаете карточки?

ВИКТОР. Карточки не принимаем. Какие карточки? Лес, тундра, тайга. (*Смеётся*).

СВЕТА. Но вот здесь же написано.

ВИКТОР. На заборе тоже много чего написано, и что?

СВЕТА. Что на заборе написано?

ВИКТОР. Мир, дружба, май.

СВЕТА. Что?

ВИКТОР. Да я шучу. Что мне стоит колесо достать? Достану, конечно.

СВЕТА. Нет, почему? Это же работа. Я заплачу. Нет, вы только не подумайте. Я ведь, и правда, заплачу.

ВИКТОР. Да ладно вам. Заплатите, я уже понял. А что с ним?

СВЕТА. Проткнулось на дороге. Мне пришлось съехать на обочину, была плохая дорога. Мой учитель говорил мне всегда: «Никогда не съезжай на обочину, там полно болтов и гвоздей, опасно для колес». Но я про это забыла как-то. Когда едешь за рулем такой дорогой машины, то, в основном, думаешь о другом.

ВИКТОР (*смеётся*). Какой учитель у вас? Будда?

СВЕТА. Нет. Мастер в автошколе, учитель мой в автошколе так всегда говорил.

ВИКТОР. А-а. Учитель. Инструктор по вождению, наверное?

СВЕТА. Он еще говорил, что нужно пристегиваться. Я не могу. Когда меня останавливают гаишники за это, я всегда им показываю: «Ну, как можно на такую грудь - ремень?». Они смеются и никогда меня не штрафуют. Ну, в основном.

ВИКТОР. Да? А как вы в такой обуви на газ жмете?

СВЕТА. В смысле, каблуки? Я привыкла, я уже несколько лет за рулем. Это не сложно. Сейчас у меня «Мерседес», но хочу купить «Бентли», там будет еще проще.

ВИКТОР. Конечно. На «Бентли»-то чего там. Там совсем просто. Сама поедет она, ваша самоходная тележка.

СВЕТА. Что?

ВИКТОР. Так. Здорово. Как говорят: «Курочка по зёрнышку, по зёрнышку, по зёрнышку клюёт, смотришь - вот тебе и «Мерседес» под окном».

Прошел к машине. Берет колесо-запаску, несет в шиномонтажку.

СВЕТА. Что? Мне в машине подождать?

ВИКТОР. Почему? Заходите. Я быстро. Чего бензин палить, машину греть. У меня тепло, экономьте. Заходите сюда.

СВЕТА. Спасибо, но я не знаю такого слова.

ВИКТОР. Какого?

СВЕТА. Экономить. Для меня ничто не дорого. Я часто бываю в Германии, у нас там дом, тоже есть, еще один, ну вот, так немцы часто говорят: «Schparen macht Spass», что значит: «Экономить доставляет удовольствие». Но я не понимаю этого. Я даже на ценники не смотрю в магазине. Мне ничто не дорого.

ВИКТОР. Правда?

СВЕТА. Правда. Спасибо за приглашение. Хорошо. Я войду. Вы разберётесь с колесом? Действительно, не будет сложно?

ВИКТОР. Ну, а зачем я тут сижу? Я, в основном, в колёсах и разбираюсь.

Он смеется снова, вносит колесо в шиномонтажку, Света идет следом.

В шиномонтажке, и правда, тепло.

Лампочка тусклая горит под потолком.

Мастерская разделена на две части: рабочее место, где пара станков и полочки с инструментом, а еще крошечная зона отдыха, отделенная прилавком. У прилавка три старых стула. Стол, покрытый клеенкой, на столе - клетка с крысой, крыса грызет что-то. Еще стоит топчан, чайник, маленький черно-белый телевизор бухтит, цветок чахлый с алым цветком на окне, фуфайки и тряпье грязное лежат на топчане. Старое продавленное красное кресло еще стоит. Как-то всё втиснулось сюда. Правда – грязь жуткая тут.

Но Виктору в привычку. Работает, колесо крутит.

Света вошла, оглядывается. Смотрит на Виктора, как он работает, молчит.

СВЕТА. И правда. Тут тепло.

ВИКТОР. Тепло, да.

СВЕТА. Дайте спички.

ВИКТОР. Нате.

Она взяла коробок, держит Виктора за руку, не отпускает.

СВЕТА. Вы круглые сутки работаете?

ВИКТОР. Круглые.

СВЕТА. Какая здесь грязь.

ВИКТОР. Что? Руку пустите. Мне работать надо.

СВЕТА. Какая тут грязь немыслимая, мрак, ужас какой.

ВИКТОР. Ну, что делать. Грязная работа тут. Колеса. С трассы грязи нанесли, а что еще может тут быть? Это не больница. Ну, да, больница, только наоборот. Кто-то и эту работу должен делать. Вот я и делаю.

СВЕТА. Скучно тут?

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. Скучно, наверное? Телевизор смотрите, да? Ничего не происходит, в основном. Только этот поезд летит, летит и даже не притормаживает никогда почему-то на переезде. Я говорила уже, что у меня дача тут недалеко, от города рядом, доехать за полчаса можно.

ВИКТОР. Говорили. «Чистый родник», да.

СВЕТА. Ну вот. Но, но из-за этого переезда, бывает, стою тут по часу, пока один, да другой, да третий поезд проедет. Почему они не тормозят, эти поезда? А вдруг машина какая застряла на переезде, что тогда? Ну, это я так: в порядке бреда.

ВИКТОР. Не бывает такого – вдруг. Я тут год работаю. Никогда ничего не было.

СВЕТА. А в армию почему вас не берут?

ВИКТОР. Не берут пока. А что?

СВЕТА. А что?

ВИКТОР. Так. Сейчас всё сделаю, ваше колесо.

СВЕТА. А крыса тут зачем?

ВИКТОР. Крысу зовут Малышок. С ним разговариваю, с ним веселее.

СВЕТА. Да? Ужас какой. Какой хвост у него омерзительный. Это же крыса, даже смотреть на нее страшно.

ВИКТОР. Ну, крыса, оттого и хвост. А кого тут поселить еще? Попугайчиков? Бабочек? Рыбок? Не выживут. А мне скучно. Не каждый час машины приезжают на ремонт. Бывает, день без работы.

СВЕТА. А вы на чем из города приезжаете? На электричке?

ВИКТОР. У меня вон, четверка, «Жигулёнок» мой стоит, иноходец мой.

СВЕТА. Сапожник без сапог?

ВИКТОР. Ну да. От отчима досталось. Но мне хватает.

СВЕТА. Отца нет?

ВИКТОР. Нет. Отчим был. Вот, видите, тут дырка, будто кто ножом специально проткнул.

СВЕТА. Специально ткнул? Да что вы?! Ужас. Нет, не может быть. Наверное, такой гвоздь на обочине лежал острый. А может, кто-то меня не любит? Люди, в основном, не любят богатых. Так ведь?

ВИКТОР. Ну, в основном – да. Я сейчас всё сделаю.

СВЕТА. Делайте.

Виктор быстро работает, Света смотрит на него, кусает губы.

ВИКТОР. Только зачем?

СВЕТА. В смысле?

ВИКТОР. Ну, опять прорежете. Сами, что ли? Зачем?

СВЕТА. В смысле?

ВИКТОР. За последние десять дней вы третий раз приехали. И каждый раз – одинаковое. Порез такой – одинаковый. Зачем?

Молчат.

Виктор смотрит на Свету, улыбается.

Света смеется, сняла шубу, села на стул нога на ногу, вертит в руках пачку «Беломора», взяла со

стола.

СВЕТА. Знаешь, дорогой, а ведь через десять лет на тебя никто и не посмотрит. Ну, на улице – никто и не обернется.

ВИКТОР. О, как?!

СВЕТА. Да. Это ты сейчас красивый, машины останавливаются, бабы за тебя дерутся. А что будет через десять лет? Никто не посмотрит. Уверяю тебя. Всё уйдет. Будет у тебя морда пропитая, красная. Руки грязные, грубые. И кто-то будет смотреть на твою фотокарточку десятилетней давности и думать: «Да не может быть, чтобы это был один и тот же человек!».

ВИКТОР. Да?

СВЕТА. Да. Жизнь размагничивает, человек отталкивает, не тянет, не притягивает к себе, когда становится старым. Никто на тебя и не посмотрит через десять лет. Будешь только сидеть с пьяными мужиками да вспоминать, как на тебя бабы бросались. Станешь гундявый, гунявый, лысый и страшный. Будешь рассказывать, в основном, про это, но никто тебе верить не будет.

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. «Беломорчик» куришь?

ВИКТОР. Не я, напарник мой.

СВЕТА. Когда-то я тоже курила «Беломор». Закурю-ка снова. *(Курит)*. Да. Дым. Класс. *(Смеётся)*. И словно навалилась вся та, прошедшая жизнь, когда много лет я курила «Беломор». Только его. Этот папиросный удушливый дым, запах этого дыма словно бросил меня туда, в те времена. И я всё-всё вспомнила. Сижу вот и вспоминаю те бедные, безденежные те годы. Ну, это я так: в порядке бреда.

ВИКТОР. Ну дак, что вам надо, я что-то не понимаю, женщина?

СВЕТА. Дак я к тебе уже приезжала? Правда? Странно. Я и забыла. Я езжу в свой коттедж и каждый раз, вероятно, наезжаю на этот гвоздь на дороге.

ВИКТОР. Напоролась на ржавый гвоздь дамочка. Мы уже на «ты»?

СВЕТА. Да. Или на эти гвозди, которые из классовой ненависти рассыпало это быдло из соседних деревень на дороге. Несколько ящиков, наверное, рассыпали.

ВИКТОР. Какие ящики?

СВЕТА. Такие. *(Смеётся)*. Против успешных и богатых.

ВИКТОР. Кто рассыпал?

СВЕТА. Быдло, я же сказала. Голодранцы, которые ненавидят богатых. Таких, как я. Такие вот голодранцы, как и ты тоже.

ВИКТОР. А вы богатая, что ли?

СВЕТА. Ну, прикинь: ты на «Четверке», а я на «Мерседесе».

ВИКТОР. Я не голодранец.

СВЕТА. Я на «Мерседесе».

ВИКТОР. И что?

СВЕТА. Не суть. Я так, в порядке бреда.

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. Ничего. Ты уже понял, что торг уместен, да?

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. Ничего. Просто разные у нас с тобой весовые категории. Я со всеми на «ты». Такой принцип. Разные жанры у нас. Голодранцы и короли.

ВИКТОР. Я не голодранец, ещё раз говорю. Я с вами на «вы».

СВЕТА. Простите, сэр. Я владею в совершенстве английским. А там нет таких понятий.

ВИКТОР. Каких?

СВЕТА. Вежливых.

ВИКТОР. Я вот одно понять не могу: ну, вот проткнули вы колесо на дороге, а кто вам его снимает-то? Кто меняет, чтоб ко мне доехать можно было?

СВЕТА. Деньги. Они всё меняют и снимают. А их у меня, как у дурака фантиков. Ну, я так. В порядке бреда.

ВИКТОР. Ага. В порядке бреда. У дурака фантиков.

СВЕТА. Как вас зовут? Виктор? Я знаю. А я Светлана. Будем знакомы. Мой муж директор сети магазинов брендовой одежды «Окей». Знаете такое слово? Дочери моей 19 лет. Как вам.

ВИКТОР. Мне 20.

СВЕТА. Ну да. Вы с ней почти ровесники. Оттого-то я и на «ты». Но не важно. Да. Вы правы, я тут не в первый раз. Тут жуткая грязь, но я вас – тебя, как хочешь – рассмотрела. Колесо, это повод, конечно. Я просто приехала с предложением.

ВИКТОР. С каким это? Прямо интересно стало.

СВЕТА. Ну, вы же понимаете. Всё это так, в порядке бреда. Всё будет окейно, да? Ты можешь и отказаться.

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. Не понимаете?

ВИКТОР. Нет.

СВЕТА. Посмотрите на себя в зеркало.

ВИКТОР. Зачем?

СВЕТА. Ну, не смотрите.

ВИКТОР. И что?

СВЕТА. Ну, вы же понимаете, что вам при ваших данных необходим, нужен взрослый, обеспеченный, солидный и авторитетный друг.

ВИКТОР. Ну?

СВЕТА. Баранки гну. Что ты из себя строишь?

ВИКТОР. Не понимаю.

СВЕТА. Не понимаешь?

ВИКТОР. Нет.

СВЕТА. Правда?

ВИКТОР. Правда.

СВЕТА. Ну, какие тут могут быть недомолвки, недоговоренности? Я всё называю своими словами. Давай, закрывай свою богадельню на замок. Садимся в машину и едем в мой коттедж.

ВИКТОР. Оба-на. Серьезно? Вот так вот прямо сразу?

СВЕТА. Вот так вот прямо сразу. А что тут такого? Что я такого особого сказала?

ВИКТОР. А муж?

СВЕТА. Муж - обьелся груш. Муж не стенка, отодвинем. Он в городе. Ему кроме работы ничего не надо. К тому же у него давно другая семья. Любовница. Или жена, точнее. Он ей многое уже подарил – квартиру, машину, еще чего-то. Остров в океане, поди. У него закопано много еще денег в Швейцарии. Думает, я не знаю. Я всё знаю. У него там двое детей у другой жены, детей достаточно взрослых.

ВИКТОР. Ну, и что мне теперь делать?

СВЕТА. Поехали. Вот чего делать. Это тебе шанс, дорогой. А шанс дается один раз в жизни.

ВИКТОР. То есть, вы мне любовником вашим предлагаете заделаться?

СВЕТА. Понял, дошло, надо же. А ты что, вот с этой продавщицей запчастей хотел продолжать мутить?

ВИКТОР. О. Стопэ. Вы и про неё знаете?

СВЕТА. Я всё знаю.

ВИКТОР. Вот как?

СВЕТА. Да. Можешь, конечно, продолжать. Я тебе могу нарисовать картину вашей совместной жизни, если желаешь. Нет проблем. Хрущевка. Пятый этаж, потолок течет. В коляске орет ребенок, денег нет, «Доширак» едим, мрак и ужас. Хочешь такое?

ВИКТОР. Любовником, значит?

СВЕТА. Считай, что так.

Виктор смеётся. Входит Ира.

СВЕТА. А что смешного?

ВИКТОР. Так. Прикольно мне. Смешно дураку, что нос на боку.

ИРА. Я думала у тебя тут так радио или телик разговаривают. Здрасьти.

СВЕТА. Добрый вечер, дорогая.

ИРА. Разменяй сотню, сдачу нечем сдавать. Заработал что-то?

ВИКТОР. Да вот, пытаюсь. *(Смеётся)*.

СВЕТА. Может, я пойду, а ты подумаешь?

ВИКТОР. Нет. Стойте. Прикинь, Ирка, дамочка мне предлагает приработок.

ИРА. Ну и чего? Вперед давай. Машину мыть? Тётя Люба помоет.

ВИКТОР. Да нет, какая машина. Мыть, да только не машину, как я понял. Приколись, вот туда вон, в дорогой коттедж предлагают мне ехать, в «Чистый родник». Потому что мне нужен солидный состоятельный друг. Ехать мне или нет, как скажешь?

Ира молчит, улыбается. Подошла к Виктору, смотрит то на него, то на Свету.

ИРА. Шкодный ты какой. Это что тут за театр?

ВИКТОР. Какой театр? Жизнь. Ну что скажешь - ехать, нет?

ИРА. Дак зачем?

ВИКТОР. Что, совсем дура?

Ира молчит.

ИРА. Что, правда? Прикольно.

СВЕТА. Правда. А что такого?

ИРА. В смысле, за этим, что ли?

СВЕТА. Ну не тупи. А?

Ира молчит, улыбается.

ИРА. Прикольно. Ну, не знаю. Можешь, конечно. Дело твое. Только я вам должна сказать, что мы с Витей месяц назад заявление в ЗАГС подали, скоро свадьба. Да?

ВИКТОР. О, как. Как вам такой оборот? *(Смеётся).*

СВЕТА. Я в курсе. И что? Заработает на свадьбу. Вы же кредит собрались брать. Не так?

ИРА. Так.

СВЕТА. Ну вот. А тут – не надо будет. Я же его не насовсем забираю.

ИРА. То есть, вы вот так вот прямо его хотите, да? Вот так вот прямо сразу?

СВЕТА. Вот так вот прямо сразу и хочу. Прямо, а не криво. Ну?

ИРА. Дак я не знаю. У него спросите. Прикольно как.

СВЕТА. Надоела со своим «прикольно». Решайте уже.

ИРА. Ну да, уже не прикольно. Прям я плакать захотела чего-то вдруг. Хотя - он может. У него никаких обязательств. Только пока подготовка к свадьбе идет. Мы еще и кольца не купили. Ну, что ты, Витя, молчишь?

СВЕТА. Жду в машине.

Света взяла свою шубу, оделась, вышла, села в машину.

Виктор и Ира молчат.

ИРА. Я прям не знаю, свалилась она откуда-то. Да? Она переспать с тобой хочет, я правильно поняла?

ВИКТОР. Ну да.

ИРА. И платить будет? Ну, вообще, закидоны какие. Я такого не видела. Нет, ну раз ты хочешь – иди. Сколько она даст? Миллион, наверное.

ВИКТОР. Миллион, говорила. Да не очкуй ты, я же не еду никуда.

ИРА. Не ври, правда? Ну, а ей чего миллион - ничего. Нам бы картошки покрупнее, а у неё бриллианты мелковаты. Нет, не пойдешь. Нет, со мной не спал, а с ней будешь, да?

ВИКТОР. Я вообще ни с кем не спал. Не хотел тебе говорить, стеснялся.

ИРА. Правда?

ВИКТОР. А ты спала с кем-то?

ИРА. Какие вопросы девушке задает, бессовестный! Иди давай к ней, иди! Не спал, не ври вот. Если бы ни с кем не спал, то тебя бы вон все на районе засмеяли бы давно. А ты с парнями там болтаешь всякое ...

ВИКТОР. Говорю тебе.

ИРА. Ну, какая наглючая тварь, а? Просто кидается на мужиков. У нее бешенство матки. Я таких и не видела никогда. Вся в цацках. На «Мерседесе». Ты что молчишь?

ВИКТОР. А что я сказать должен?

ИРА. Начали, дак надо заканчивать. Иди давай до талого ...

ВИКТОР. Куда?

ИРА. Ну, до конца.

ВИКТОР. До талого, ага.

ИРА. Нет, я вижу, ты задумался. А может, и вправду с ней – нет? Так, нет?

ВИКТОР. Отвали.

ИРА. Нет, ну выясняется вообще такое, прям не знаю. Не спал он, видите ли. Чего врать-то?

ВИКТОР. Отвали, сказал. Иди. К тебе вон стучат уже.

ИРА. Ну, конечно, эта сука увидела тебя. Тут грязница, а отмыть тебя – так будешь, что надо. Глазастая сучка какая. Ну, дак что стоишь, она ведь ждёт?

ВИКТОР. Что орёшь?

ИРА. А что не орать? Это мы не поженились ещё, а он на других баб уже засматриваться начал, ага, а что дальше будет? Это мы не поженились ещё, ага!

ВИКТОР. На кого я засматриваюсь? Она сам пришла. Ну, приехала.

ИРА. Не виноватая я, он сам пришёл, так, что ли, как в том кине? Так, что ли?

ВИКТОР. Так что ли.

ИРА. Она привыкла с жуликами всю жизнь, вот её на жуликов и тянет.

ВИКТОР. Я не жулик.

ИРА. Как же, ты не жулик. Взял – обманул меня.

ВИКТОР. Ну, стопэ уже, а?

ИРА. Стопэ, ага.

ВИКТОР. Ну что тебе надо?

ИРА. Не разговаривай со мной так, Витя, Витенька, не разговаривай со мной так уже сейчас. Ага? Прикинь, это он уже сейчас будет так разговаривать. А что будет потом, как он потом будет разговаривать?

ВИКТОР. Слушай, иди уже в свой магазин, не закрыва ведь, а то залезет кто, хозяин башку оторвёт. Что ты хочешь? Я, что ли, позвал эту чувырлу, я?

ИРА. Чувырла. Моромойка. Старуха. Говнина позорная.

Молчат. Виктор работает, крутит колесо. Ира посмотрела в окно на «Мерседес», на свой магазин.

А что она тебе пообещала?

ВИКТОР. Ничего она мне не обещала. Сказала, что мне нужен серьезный друг. Всё.

ИРА. Ну, дак правильно. Я-то какой тебе друг? Не серьезный друг я. Никакой я друг.

ВИКТОР. Дура ты какая.

ИРА. Что?

ВИКТОР. Иди уже.

ИРА. Что?

ВИКТОР. Что пристала?

ИРА. Знаешь, что? Ну, раз так хочешь сильно – ну, съезди с ней. Один раз. Разрешаю. Будто я не знаю. Не знала. Будто меня тут не было. Съезди, раз хочешь.

ВИКТОР. А с чего ты взяла, что я хочу?

ИРА. Нет, я серьёзно, я не обижусь. Съезди. Я же не буду ничего видеть и значит – будет не считово.

ВИКТОР. Что не считово?

ИРА. Ну, то, что у вас там будет.

ВИКТОР. Ну, что тебе надо?

ИРА. Съезди. Пусть и она порадуется. Она порадуется первая. А уж потом – я. Так и быть. Я согласная.

Ира снова посмотрела в окно, вдруг прижалась к Виктору.

ВИКТОР. Ну, я работаю, ну чего это, чего тебе надо?

ИРА. Слушай, а правда – съезди, а? Смотри, какая движуха началась ... А вдруг она много даст, а? Без бумажки ты какашка, а с бумажкой – человек!

ВИКТОР. С какой бумажкой?

ИРА. С деньгами, блин! Приколись, а? Так много даст, что нам на всё хватит: и на кафе, и на машину с куклой, и на фотографа, и я буду в белом платье красивом. А ты в черном костюме. А? Как полагается, а? А что тут такого? Нормально. Давай, иди. Иди! Я разрешаю. Давай, давай. Прямо в рабочей одежде иди. А что? Нормально так. Прикольно даже. Она тебя там вымоет. Давай, ну? Другая жизнь, другие люди, другое всё. А? Вот что я видела, кроме сраной нашей хрущёвки, как она говорит? Ничего. А ты что видел? Тоже ничего. Хоть заглянуть за эту тряпку, которая всё красивое прячет, а? А что? Давай, иди, иди уже скорее. Пока я не передумала. А?

ВИКТОР. Отвали, а? Стопэ, я сказал.

ИРА. Иди, сказала, ну?! Миленький, любименький, а? Витенька, давай, а? Или что нам – кредит брать ещё? Уже взяли. И как отдавать? Я хочу свадьбу красивую, чтобы все подружки сдохли от зависти, а? Фотографии в интернете чтобы все видели мои в платье. А от тебя не убудет. А мне даже приятно будет, что ты ко мне не мальчиком пришел, а мужиком. Она тебя научит, а?

ВИКТОР. Ну, стопэ сказал, ну?!

ИРА. Иди, говорю! У неё видишь, сколько денег? У неё сережки в ушах стоят, как твоя шиномонтажка, мойка и мой магазин, ну?! Иди, а? Только проси больше, ну? За девственность больше пусть даст!

ВИКТОР. За девственность?

ИРА. А что? Иди, сказала!

ВИКТОР. Я ведь и пойду.

ИРА. А я и хочу, чтобы ты пошел. Ну?!

Виктор вытер руки тряпкой, вышел, сел на место пассажира в машину к Светлане.

Она ему сигарету протянула, улыбается. Он закурил. Смотрит вперед, в лобовое стекло.

Снег идет, на окно садятся снежинки.

Машина завелась, уехала. Ира слезы вытерла, постучала по клетке с крысой пальцем, крыса смотрит на Иру красными глазками.

Ирина выключила свет в шиномонтажке, вышла на улицу, повесила табличку на дверь с надписью «Закрыто по техническим причинам», ушла к себе в магазин.

Слаббаумы опущены, мигает красный светофор, пищит сирена, проносится с грохотом поезд через переезд.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Прошло три дня. Тот же апрель. Снег идет так же. Нет весны. Холод. Снова вечер.

В шиномонтажке свет горит, другой какой-то парень копошится там что-то под лампочкой, колесо ремонтирует или что другое делает, с крысой играет, смеется, у него музыка играет какая-то из радио.

Подъехал тот самый «Мерседес». Виктор за рулем. Вышел. Прошел к своей «четверке», стукнул по колёсам ботинком. Машина завизжала сигнализацией. Виктор достал брелок из кармана, выключил, успокоил машину.

Стоит, улыбается. Одет с ног до головы в новое, модное, красивое, фирмовое. Прическа другая. Совсем другой.

Ира вышла из магазина на крыльцо, накинула куртку на плечи, стоит под фонарем, курит, не смотрит на Виктора. Тот подошел, встал рядом.

ВИКТОР. Курить стала?

ИРА. А что мне? Курю вот.

ВИКТОР. Не надо курить.

ИРА. Кого учишь?

ВИКТОР. Курить не надо.

ИРА. А твоя-то – не курит, что ли?

ВИКТОР. Кого взяли работать?

ИРА. Мальчишку из посёлка. Ваня зовут. Пешком ему три километра идти. Он и рад. Без работы раз. Ему весной в армию.

ВИКТОР. Крыса моя жива?

ИРА. Забрать хочешь? Крыса два года живет. Жива. Ей ещё год. Ещё год протянет.

ВИКТОР. Заберу.

ИРА. Крыса к крысе. Крысеныш к крысенышу. Забери, конечно. И машину свою забери, мешает.

ВИКТОР. Кому мешает?

ИРА. Забирай.

ВИКТОР. На что она мне нужна.

ИРА. Ну, конечно – теперь-то.

ВИКТОР. Пусть стоит, ржавеет. А крысу - заберу.

Стоят, молчат. Виктор кутается в свое кожаное пальто, в шарфик, Ира в свою куртку-пуховик.

ИРА. А чего приехал-то?

ВИКТОР. И приехать нельзя?

ИРА. Чего приехал-то?

ВИКТОР. Так. Не звонил, батарейка села.

ИРА. Я так и поняла. Я и искать не стала.

ВИКТОР. Что меня искать.

ИРА. Матери-то своей позвонил. Батарейка не села. Она мне и сказала, чтоб тебя по моргам не искать.

ВИКТОР. А что ей нервничать, она старая.

ИРА. Ей чуть поболее, чем твоей. Не намного.

ВИКТОР. Она старая, ей нельзя нервничать.

ИРА. Кто?

ВИКТОР. Вот и позвонил.

ИРА. Ну, а мне-то можно нервничать.

ВИКТОР. А что я тебе сказал бы, если бы позвонил?

ИРА. Надолго к нам?

ВИКТОР. Нет.

ИРА. Не узнать, как приоделся.

ВИКТОР. Сама сказала – едь с ней. Вот я и поехал.

ИРА. Сама сказала, правильно.

ВИКТОР. Тут движухи никакой.

ИРА. Правильно. А там – движуха есть, так?

ВИКТОР. Есть.

ИРА. Я сказала: «Едь, да возвращайся». А не «Едь с ней насовсем».

ВИКТОР. Ну, задержался там.

ИРА. Дак всё, вернулся?

ВИКТОР. Нет, сейчас назад надо.

ИРА. Я поняла. Надо же. И правда – сама вытолкала. Какой ты стал. Прямо артист. Красивый.

Пролетает через переезд поезд. Ира бросила окурок в снег, взялась за ручку двери, хотела уйти. Виктор дверь ногой прижал, остановил Иру.

Пусти.

ВИКТОР. Хватит. Ладно ты. Успокойся. Стопэ, сказал. Короче, у нас всё остаётся в силе.

ИРА. У кого короче, тот сидит дома – отращивает, знаешь ведь.

ВИКТОР. Я сказал – стопэ.

Ира молчит, смотрит на Виктора.

ИРА. Знаешь, а ведь через десять лет на тебя никто и не посмотрит. Ну, на улице – никто и не обернется. Это ты сейчас красивый, машины останавливаются, бабы за тебя дерутся. А что будет через десять лет? Никто не посмотрит. Всё уйдет. Будет у тебя морда пропитая, красная. Руки грязные, грубые. И кто-то будет смотреть на твою фотокарточку десятилетней давности и думать: «Да не может быть, чтобы это был один и тот же человек!». Жизнь размагничивает, человек отталкивает, не тянет к себе. Никто на тебя и не посмотрит через десять лет. Будешь только сидеть с пьяными мужиками да вспоминать, как на тебя бабы бросались. Станешь гундявый, гунявый, лысый и страшный.

ВИКТОР. Надо же. Ты в один к одному говоришь, что она говорит. Похожи как, а?

ИРА. Похожи. Как клюшка с шайбой.

ВИКТОР. Откуда ты эти слова выучила?

ИРА. А это тебе любая баба скажет.

ВИКТОР. Ты чего разговорилась, спрашиваю?

ИРА. Было время подумать. Вот – мысли свои и говорю.

ВИКТОР. Стопэ, сказал.

ИРА. Что тебе – стопэ?

ВИКТОР. Короче, у нас всё остаётся в силе.

ИРА. Что в силе? Как это? Выгнала она тебя? С чемоданом денег приехал с заработков?

ВИКТОР. С каких заработков. Тебе бы такое.

ИРА. Дак что?

ВИКТОР. Ну, всё в силе. Мы с тобой поженимся, будем жить. С хатой она поможет. Ну, а что? Обещала так. А где я нам хату возьму? Тут заработаю? Ага. Ну, а что? А у неё денег – миллионы. Ну, а что тут? Она хорошая, она не врёт, она по-честному, хоть и противно, но говорит правду в глаза, как есть. Ну, а что? Сказала, что не хочет нам на пути стоять. Ну, что? Я её не люблю, ясен перец. И она меня так же. Так – удовлетворение потребностей. Но раз деньги. И что тут такого? Ты сама хотела.

ИРА. Перехотела. Не хочу я.

ВИКТОР. Слушай, ну все мужики живут так. По десять любовниц у всех.

ИРА. Да? Это она тебе всё рассказала, научила?

ВИКТОР. Да. Если бабки есть содержать их, то чего бы и не содержать. И хоть двадцать любовниц. Ну. Все так живут. Я тебе что, глаза открываю?

ИРА. Ладно.

ВИКТОР. Стой, не уходи, согласишься со мной, ведь я тебя люблю.

ИРА. Знаешь что?

ВИКТОР. Что?

ИРА. Ты такие страшные слова никогда не произноси.

ВИКТОР. Какие слова?

ИРА. Ну, вот эти: «Я люблю тебя». Поосторожнее надо.

ВИКТОР. Тебе денег не надо?

ИРА. Если в доме нету денег, привяжите к жопе веник.

ВИКТОР. Чего?

ИРА. Того.

ВИКТОР. Стой, ну что ты как эта?

ИРА. Да я не эта. Иди к своей этой.

ВИКТОР. Ну ладно, я понял всё. Сыграла ты хорошо оскорблённую и униженную. Ну, и хорош. Теперь играй дальше: да, я обижена, но согласна.

ИРА. Чего?

ВИКТОР. Ты понимаешь, что мне так повезло, как миллиону человек не везёт?

ИРА. Я так рада за тебя. В нужном месте оказался в нужное время.

ВИКТОР. Я тебя сейчас отмудохаю.

ИРА. Пусти. Отмудохает он.

Открыла дверь, вошла в магазин. Виктор курит.

Открыл дверь, кричит с порога:

ВИКТОР. Сука поганая! Ты сука! Не давала до свадьбы мне! Вот и всё! А я мужик, парень молодой, мне охота! Вот и всё! Раз эта позвала – я и пошел! Не посмотрят на меня через десять лет, ага! Еще как посмотрят! Не бойсь! Вот и сиди там, шалава, в грязи! Сиди! А мы вон с ней в Таиланд поедem! А ты сиди! Сука! Выбесила как, мозг вынесла! Тварь поганая! Вот так вот с вами: клопа грей, он и надувается! Сиди тут, жри свои бич-пакеты!

Подoшел к «Мерседесу», стукнул по колесу ногой, сел в машину, сидит, курит, не уезжает.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Прошло еще три дня. Раннее утро.

Виктор в той же грязной рабочей одежде в шиномонтажке, колесо ремонтирует. Смотрит в окно. Всё так же снег идет.

Ира пришла к магазину. Открывает замок. Видит Виктора. Зашла к нему в шиномонтажку, стоит на пороге.

ВИКТОР. Дверь закрывай – холодно.

ИРА. Вот – здрасьте.

ВИКТОР. Губы покрасьте.

ИРА. Это что такое?

ВИКТОР. Здорово. Ты бык, а я корова. Бык останется быком, а корова с молоком.

ИРА. Это что такое?

ВИКТОР. Давно не виделись.

ИРА. Три дня.

ВИКТОР. Три дня прошло целых. Ну. Вот видишь. А я снова на работе. Снова уже тут.

ИРА. Что, выгнала? Быстро ты ей надоел.

ВИКТОР. Почему выгнала? Отпустила по делам.

ИРА. Работать снова будешь у нас? Руки в масле, жопа в мыле – мы работаем на ЗИЛе?

ВИКТОР. Ну, примерно.

ИРА. Какие у тебя дела?

ВИКТОР. У нас сегодня бракосочетание, забыла? В два часа дня. Сядем в мою «четвёрку», съездим в ЗАГС. Гулянки только не будет. А так – всё, как полагается. Штамп в паспорте сделаем. Ну, что молчишь?

ИРА. А что сказать?

ВИКТОР. Ну, что-нибудь.

ИРА. А тебе зачем штамп?

ВИКТОР. Ну, вдруг я помру – всё моё богатство тебе пусть достанется.

ИРА. У тебя богатство появилось?

ВИКТОР. На.

Достает из кармана штанов и протягивает Ире коробочку.

ИРА. Это что?

ВИКТОР. Кольца свадебные. С бриллиантами. Дорогие. И красивые.

Ира открыла коробочку. Смотрит на кольца.

ИРА. Надо же. Это она тебе купила?

ВИКТОР. Ты позвони тете Любе, пусть она к двум придет, сменит тебя. А я Ване сказал, чтоб погулял до двух, тоже, а я тут пока. Придет потом, поработает до утра.

ИРА. А почему до утра?

ВИКТОР. Ну, у нас с тобой будет первая брачная ночь. Я гостиницу снял. Раз не будет сабантуя, то вдвоем отпразднуем.

ИРА. Всё вдвоём, да всё вдвоём, да где мы третьего найдём ...

ВИКТОР. Давай, звони, собирайся, времени мало осталось. Я позвонил Марику и Ленке, они подъедут. Свидетелями будут.

ИРА. Он всё организовал, надо же. Бегом всё. А эта что тебе не звонит, телефон твой почему не разрывается? Не ищет тебя? Или договорились с ней, что она тебя отпускает на твою свадьбу? Ну, почему не звонит?

ВИКТОР. А у меня телефон стоит в режиме «В самолете». Отключен.

ИРА. В самолете, значит? То есть, летаешь ты тут у нас, да? Летишь в небесах, да? Над нами летишь, в туалете на нас серешь, так?

Молчание.

Виктор взял **Ирину** за руку, толкнул в угол, она упала в кресло. Он закрыл дверь, говорит быстро и зло:

ВИКТОР. Значит, стопэ ты, сука. И слушай сюда. Сядь и не играй мне тут целку-невредимку. Я с тобой долго жить собрался, долго жить буду, и я хозяин в доме буду, я буду диктовать, я буду говорить, что делать, а ты не вякай из-под плинтуса, молчи, слушай меня. Ниже половицы чтобы была. Всё будет по-моему. А не по-твоему. Ты, сука, самка, будешь мне рожать детей, родишь мне десять или пятнадцать парней, и чем больше, тем лучше. И вот слушай: родишь, они вырастут и будут жить не так, как я, не так, как ты, не так, как мой отчим и моя мать, алкаши, не так как твои родаки, не так, не так, не так, не так, а иначе – красивее и полезнее, нужнее и важнее. Чтобы их родить здоровыми и сильными ты, сука, будешь жрать самое вкусное, самое дорогое, самое не отравленное, чтобы они родились, росли и не болели, как я, которого моя мамка, челночница, родила по дороге из Турции на Урал, среди сумок клетчатых, в поезде, понимаешь ты, сука? Понимаешь, отчего я спасаю своё потомство? Хер ты понимаешь. Но поймешь потом. И ты никогда не будешь спрашивать у меня – откуда у меня деньги или почему я где-то задержался или не ночевал дома. А будешь мне всю жизнь благодарна. Знаешь такое слово – «благодарность»? Благодарна за то, что я тебя и детей наших из грязи вытащил. Твое дело – из носа кап, в рот – хап. Нишкни. Поганый рот свой не раскрывай. Я за эту неделю узнал так много, как не узнал за все свои двадцать лет. Узнал, что можно есть другое, другое пить, иначе жить, и быть спокойным за завтра, не жить так, как я и ты живём, в хлеву, и жрать говно подгнившее и быть счастливым только этому. Можно жить иначе, не крысёнышем, и для этого не надо ногти в кровь ломать, чтобы выжить, чтобы выжить, а можно просто жить, потому что попал в струю, а не в водоворот, в который меня тянуло и затыгивало все двадцать лет. Ты поняла меня?

Молчание.

Виктор держит **Иру** за руку, стоит над креслом.

ИРА. Пусти, больно.

ВИКТОР. Еще не больно. Больно будет впереди. Но я могу тебе сделать больно, если будешь рот разевать и вякать. Заткнись и запоминай мои слова: я не люблю тебя и никогда любить не буду. Ты нужна мне, как производительница моих детей. Я не смог жить в детстве хорошо и красиво, но дети мои будут жить хорошо и красиво, так, как полагается людям, а не скотам, быдлу. И я в лепешку расшибусь, чтобы им было хорошо, урёхаю

каждого, кто на пути встанет, им будет хорошо, будет, а как я это сделаю – это никого не касается. Буду я спать с бабкой ли, с дедкой ли, с крысой, с козой – не ваше дело, вас не касается – идите и занимайтесь. Занимайтесь, поняла?! Но я в грязи в этой жить не буду, ты поняла меня?!

ИРА. Да поняла, поняла, тише ты, успокойся.

ВИКТОР. Раз поняла – иди, звони тете Любе и собирайся. Всё.

Ира встала, вышла из шиномонтажки, ушла в магазин.

Виктор открыл клетку, достал крысу, держит на руках, гладит, улыбается.

Ну, что, Малышок? Тяжело в клетке? Ну, нельзя тебя выпускать, понимаешь? Убежишь сразу. И сразу тебе капут. А жизнь у тебя короткая – два года всего. Наши два года – это твои семьдесят лет. Наш месяц проживешь – твои крысячьи пять лет прошло. Видишь, как время твоё бежит? Один день наш – три месяца твои. Надо успевать. А ты ничего не успеваешь. Только жрёшь. Самку тебе покупать нельзя, потому что она будет каждый месяц таскать тебе по десять штук. Не тебе, а мне. Ты ведь кормить не сможешь, так? Как ты, в клетке сидя, сможешь её и всю ораву прокормить? Никак. А я что, их топить должен? Была бы змея – скормливать их ей можно было бы. Но как-то стрёмно – на твоих глазах змею детьми кормить. Да и не смогу я. Оставлять их? А кто кормить, спрашиваю, будет их? Ты ведь в клетке сидишь, не сможешь ходить, работать, добывать еду. Даже вот в шиномонтажке не сможешь работать. Силы нету у тебя никакой. Вот и крысятничаешь: ждешь, когда я тебе чего дам пожрать. Ты только, если тебя выпустить, спиздить где-то что-то можешь. Ну, кусок хлеба, кусок мяса, кусок сыра. Ну, по мелочи. Видишь, как мы похожи с тобой? Однойцевые близнецы просто. Только разница в том, что я из клетки вылез, захотел много крысенят своих иметь, хочу, чтобы они ели хорошо. И нашел хозяина, который их кормить будет. И я буду в его цирке на задних лапах стоять. И что? Он денег даст. А деньги на дороге не валяются, сам знаешь. И пусть они будут жрать хорошо. Ведь мне жить – два года всего. Мне торопиться надо. Понимаешь, крысёныш?

Пришла Ира.

ИРА. С кем ты тут?

ВИКТОР. С Малышком, в основном. Ну, в порядке бреда.

ИРА. Посади его в клетку. Ещё сбежит.

ВИКТОР. Готова?

ИРА. Голому собраться – подпоясаться.

ВИКТОР. Вот и славно. Поедем сейчас. Сейчас. Подожди.

Сидит в кресле, держит крысу в руках, плачет.

Ира рядом села, гладит его, тоже плачет.

Тихо на улице.

Поездов нет, машин тоже.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Ещё три дня позади.

Идет снег, апрель в середине.

Под «грибком» стоят Ира и тетя Люба, курят.

ТЁТЯ ЛЮБА. Деньги всё делают, Иришенька. И его уделали.

ИРА. Он вернётся. Только три дня после свадьбы прошло.

ТЁТЯ ЛЮБА. Конечно, вернётся. Только три прошло.

ИРА. Он вернется, говорю.

ТЁТЯ ЛЮБА. Он, да не он. Понюхал раз другой жизни – не он будет. Это ведь как наркота, как зараза – подсел на нее и всё, не сойдешь с рельсов. Подсел - и всё. Я сына похоронила, ему 20 лет было, от наркотиков помер. Поздно его родила, в 40 лет, а ему было 20, как умер.

ИРА. Ты не рассказывала.

ТЁТЯ ЛЮБА. А что рассказывать? Мне 60 сейчас. Смотри на меня: вот во что человек превращается, как стареет. Я его винила сначала, как он таскал из дома всё и кололся, а потом помер, и я поняла: это же я виновата. Я хотела, чтоб он помер. Только и говорила всегда: «Скорей бы он помер». Таскала его по врачам, больницам. Сколько денег угрохала – напрасно. Да, говорила про сына родного: «Скорей бы он помер», а люди от меня шарахались.

ИРА. Да уж.

ТЁТЯ ЛЮБА. А уже сил не было. Куда я его только не возила, как я его только не лечила – а всё. Всё вынес из дома, я неделями не спала. Не хочу вспоминать. Да, сама виновата. Не рожает свинья бобра. Гуляла так, что земля дрожала. Я в бабку. Бабка, мать моя рассказывала, блядёжка была. Жили в оккупации на Украине, а ей по хер, молодая, блядовала с фашистами, весело ей было. Я уж помню ее потом седую и старую, вот как я сейчас, и правильную такую, к старости напустила на себя правильности, всё меня жить учила – как надо и как не надо жить, а я смотрела на нее и думала: «Высоко ты летала, сука, да низко села, курва». Так вот и я. Видишь вот – машины мою. Последний промысел. А уже на пенсии. У разбитого корыта. Ты не переживай. Другого найдешь. Есть мужики, поискать надо хорошенько, захомутать какого-то.

ИРА. Тоже учишь?

ТЁТЯ ЛЮБА. Учю. На своих ошибках, чего уж. Как бабка моя – всех подучиваю.

ИРА. Тетя Люба, мне так тяжело.

ТЁТЯ ЛЮБА. А кому легко? Да я давно заметила, что она к нему ездить стала.

ИРА. А что не сказала?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну, что ж я полезу? Приезжала эта змея золотая к нему, много раз. И всё за ним смотрела. А тот дурак – не видит. Красивый какой, а дурак. Бог что-то даст, а что-то всё равно заберет. Ему дал красоту, а ума не дал. Она три раза колесо у него меняла, у меня машину пять раз мыла. И всё на него пялилась. Я же не слепая. Вижу. Я мою, а она выйдет, встанет тут и смотрит, как Витька работает. А потом видела, я дождалась даже, как он с работы поехал на своем «Жигуленке», а она за ним, следить. Аж на красный свет рванула, под носом поезда. Вот как чешется у нее.

ИРА. Теперь не чешется, поди. Почесал он ей.

ТЁТЯ ЛЮБА. Почесал.

ИРА. Да что ж ты мне ничего не говорила, тетя Люба?

ТЁТЯ ЛЮБА. А то и не говорила, что ничего бы ты не сделала. Захлопнулась клеточка. По себе знаю. Страшные дела делают деньги. Всё делают. Переворачивают людей. Аж судорогами их всех тянет. Мне первый любовник денег дал – мало. Хорошо, да мало. Второй дал. Мало. Третий больше. Потом больше и больше. Хорошо. Ни за что. Красивая жизнь. И что? А пролетела пулей, смотрю назад – пепел лежит и всё.

ИРА. Мормоне продался.

ТЁТЯ ЛЮБА. Кому?

ИРА. Мормоне. Так в интернете говорят.

ТЁТЯ ЛЮБА. Света ее зовут, вроде.

ИРА. Ну да. Я ж его и послала к ней. Сама. Думала, денег привезёт на свадьбу. Даст ему эта змея золотая, думала, денег, а потом забудем, с чистого листа всё, будем жить. А что? Он красавчик, молодой, заработал никак бы, за просто так, как ты говоришь. А видишь, как обернулось.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ты правда?

ИРА. Ну, правда.

Молчание.

ТЁТЯ ЛЮБА. Дура ты, сука. Дура недоношенная. А что сейчас крокодиловы слезы льешь? Что стоишь тут смурная? И любить-то ты, Ира, не умеешь.

ИРА. Ты умеешь. Вон, что рассказываешь. Самый страшный ангел – раскаявшийся дьявол.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну да. Плачет мне тут. Слезы мне тут льет горячие. А чего лить, раз сама его продала? Да продала-то как нищая – за три копейки.

ИРА. Да подороже.

ТЁТЯ ЛЮБА. Подороже, ага. А говорит – любовь, одуванчики. Ага. Не смеси мои подметки. Никого ты не любишь. Так, себя тешишь, ну – как все. Обезьяна Чи-чи-чи продавала кирпичи.

ИРА. За веревку дернула. И тихонько пёрнула.

ТЁТЯ ЛЮБА. Вот именно. Пёрнула. А теперь на меня смотришь глазами срущей кошки и жалуешься. А хера ли жаловаться?

ИРА. Да никому я не жалуюсь. Пошла ты на хутор бабочек ловить. Тоже мне. Стоит, выговаривает, идиотка старая. На себя посмотри. Чудовище лесное. Мне носить нечего, тетя Люба, ты понимаешь, нет?! Я сколько могу в секунд-хэнде одеваться? Я молодая, понимаешь? Нищета заколебала. А в телевизоре вон как живут.

ТЁТЯ ЛЮБА. Да живи ты, как хочешь, что я к тебе со своими советами. Мне параллельно-перпендикулярно. И что я с тобой говорю – толку нету. Ладно, пошла я машину мыть, приехали ко мне.

К мойке подъехала дорогая машина.

Люба пошла к машине.

Потом вернулась, схватила Иру за куртку, шипит:

Убила бы тебя, тварь! Вот этой рукой! У меня одна рука малина, другая – смерти половина! Убила бы! Я ведь убивала, сидела в тюрьме! Убила бы! Это ты, ты, ты змея золотая, не она! Сука и змеюка!

Ушла.

Ира стоит, плачет.

Ветер сильный воет в лесу.

Снег идет мелкими хлопьями.

Тишина стоит.

Поезд не едет.

И машин нет на переезде. Вдруг вымерло всё.

ПЯТАЯ КАРТИНА

И ещё три дня минуло.

Всё тот же грязный снег ползет от дороги, тая, ползет в лес, обнажая грязную землю, будто кожу с

земли снимает, ползет и там где-то, в гнилой листве, в чаще – прячется и тает. Машины стоят на переезде, ждут поезд. Красные фонари мигают. Звонок звенит. Виктор идет по дороге к шиномонтажке, идет босиком, без куртки, он в спортивных штанах с белой полосой сбоку, до пояса голый. Идет, падает, пачкается в грязи, падает, поднимается, снова идет. Мужички из машин выглядывают, посмеиваются, на него глядя – мол, загулял парень. Виктор идет, оглядывается, будто ищет дорогу. Подошел к шиномонтажке, под ковриком нашел ключ, открыл дверь, вошёл, лёг на топчан, фуфайкой грязной закрывается, его трясёт. Люба стояла у мойки под «грибком», курила. Увидела Виктора, пошла к Ире в магазин, позвала её. Вместе бегут к Виктору в шиномонтажку. Вошли. Встали у порога, смотрят.

ТЁТЯ ЛЮБА. Что, пацан?

ВИКТОР. Будда там. Будда.

ТЁТЯ ЛЮБА. Воды дать тебе? Заболел?

ВИКТОР. Будда там.

ТЁТЯ ЛЮБА. Согрей ему чаю, давай быстро.

ИРА. А что он? Витя, что?

ВИКТОР. Там такой праздничный ковер большой ... Много народу, и я сбежал. Они все в цветной одежде. Все с цветами, поют и идут вперед, а в центре сидит Будда, огромный такой ... Он на телеге. Его везут все и пляшут вокруг него, он улыбается, у него веточки зеленые в руках, он ими машет, но он слепой, он не видит ничего, и они идут на меня, двигаются, ковром этим меня накрывают, и красиво и страшно, и я убежал, всё меня закрывает, они пляшут, Будда там, я убежал, убежал ...

Ира суетится, электрочайник включила, чайник шумит, стоят обе, смотрят на Виктора. Молчание.

ИРА. Витя, что случилось? Ты заболел, что ли?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ты не видишь, что ли, дура?

ИРА. А что видеть?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ширанулся или таблеток наглотался. Вот его и колоёбит. У меня с сыном так было всегда. Ты что пил, Витя, ну? Таблетки, уколы?

ВИКТОР. Он идёт сюда, Будда.

ТЁТЯ ЛЮБА. Идёт, идёт. Ты лежи, лежи. Сейчас горячего чаю тебе.

ВИКТОР. Ира, ты? Ты держи меня за руки, сядь рядом, мне не так страшно, держи за руки меня ...

ТЁТЯ ЛЮБА. Давай, сядь, это долго будет, держи его, я полотенце намочу, снега принесу ... Постой, у меня сонники есть, пусть выпьет, на, запей водой ...

ИРА. Что ты ему даёшь?

ТЁТЯ ЛЮБА. Таблеточки. Я на них давно сижу. Давно на них сижу. Успокаивают, в сон тянут, может, и он уснёт.

ИРА. Он уже наглотался таблеточек ...

ТЁТЯ ЛЮБА. Да не лезь, что ты понимаешь, что ты знаешь? Сколько раз было, что я со своим так ... Ты сиди и держи его за руки, раз ему страшно, а я повешу там табличку, что не работает ...

Тётя Люба вышла, табличку повесила. Ира плотнее накрыла Виктора одеялом. Взяла тряпку, ноги ему обтёрла. Села рядом, за руки его держит, Виктор трясётся.

ИРА. Дак что делать, тётя Люба?

ТЁТЯ ЛЮБА. Что, что. Змея золотая дала ему попробовать другую жизнь. Вот сука, своротила парня. Не знает, как к своему хвосту его привязать. Ну, это конец, Ирка. Ничего ты не сделаешь теперь, раз он попробовал один раз. Поколотит его, а потом снова возьмётся за то же самое. Как мой. Если змея золотая заползла – пиши пропало. Упали, понимаешь, монетки золотые на донышко, звякнули, а змея золотая по ним хвостом золотым прошурстела – это конец, значит.

ИРА. Слушай ты, дедушка Бажов, бабушка Арина, хорош уже, а?! Сказочница херова. Ты скажи, что делать теперь? Что ты тут запела русские народные сказки?

ТЁТЯ ЛЮБА. Сиди вот так. Он сейчас уснёт. Держи его за руку.

ИРА. У него на руке кольцо золотое. Не моё.

ТЁТЯ ЛЮБА. И что? Держи его. А то он может, что хочешь сделать – под поезд броситься или под машину. Он не в себе. Сиди и держи его, как соломинку.

Молчат, сидят. Виктор глаза закрыл, что-то бормочет. Тетя Люба закурила.

ИРА. Как ребенок маленький, Господи, какой ...

ТЁТЯ ЛЮБА. Тихо ты.

Молчат.

Заметила, что она, Света эта, всегда в штанах ходит. И в пир, и в мир. Всегда. Знаешь, почему?

ИРА. Ты к чему это?

ТЁТЯ ЛЮБА. К тому. Вены свои набухшие, старые прячет. Морду-то можно еще поддуть, накачать, а руки и ноги не спрячешь: видно, что старая. Штаны одела, придушилась - и стала чистотел.

Молчание. Ира плачет.

ИРА. Вот ведь всё у них уже есть. Чего только нету. Атомной бомбы только нету. И то есть, поди. И всё сидят и злобой наливаются. И всё злее и злее становятся. А отчего, почему? Ну, вот у вас же всё уже есть - так радуйтесь. Дома, дворцы трехэтажные построили себе. Самолеты, корабли у вас – ну, радуйтесь. Сидят, надуваются, как лягушка через соломинку надутая. Потому что всё делали, чтобы им завидовали, чтобы рабствовали перед ними, чтобы спину клонили, чтобы за спиной шуршали, сплетничали. А никто не завидует. Никому не надо их богатство. Всем насрать большую кучу на их богатство. А они всё думают: «Ну, почему не завидуют, почему презирают, почему посмеиваются? Они что, больше нашего знают о чем-то? О чем они смеются? И почему смеются? Почему не стоят у нашего дворца, не заглядывают в окна, не смотрят на нашу красивую жизнь, не стоят толпами у дверей, не ждут? Почему? Им что там, в темноте, интереснее, чем у нас на свету за окнами?».

ТЁТЯ ЛЮБА. Сама говорила: надо свадьбу такую, чтоб подружки завидовали.

ИРА. Говорила. Дура была.

ТЁТЯ ЛЮБА. Вдруг поумнела?

ИРА. Поумнела.

ТЁТЯ ЛЮБА. Эх, Витя. Знаешь, а ведь через десять лет на тебя никто и не посмотрит. Ну, на улице – никто и не обернется. Это ты сейчас красивый, машины останавливаются, бабы за тебя дерутся. А что будет через десять лет? Никто не посмотрит. Всё уйдёт ...

ИРА. Ты что это говоришь? Ты откуда это взяла? Ты почему моё говоришь?

ТЁТЯ ЛЮБА. Твоеё? Я говорю: коготок увяз – всей птичке пропасть.

ИРА. Не каркай тут.

ТЁТЯ ЛЮБА. Не каркаю здесь.

ИРА. Я его вытащу.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ага.

ИРА. Я его наручниками к батарее прикую, так делают, я слышала.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ага.

ИРА. Не агакай. Вытащу.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ты ему клетку золотую сделай. И не выпускай. Только чтоб по рукам походил, погулял, а потом опять запирай.

ИРА. Не выпущу. Он муж мне.

ТЁТЯ ЛЮБА. А, у тебя же штамп в паспорте стоит.

ИРА. И что? И штамп.

ТЁТЯ ЛЮБА. Видишь, наширенный, а пришел сюда. Витя-Витя, никогда не возвращайся туда, где уже был, где было хорошо, и где уже всё отжил. Нечего вспоминать, если уже выжжено. Не вертайся. Вот, с меня бери пример. Я вот бродяга. Посижу тут еще немножко и уйду. Всю жизнь гуляю, хожу, счастья ищу ...

ИРА. Да хватит тебя причитать и умничать! Бродяга ты! Ага. Учит чего-то. Всё байки рассказывает какие-то. Всё с улыбочкой такой, будто она что-то такое знает, чего никто не знает. Чего ты знаешь? Знает она. Всё она знает. Дура старая. Просрала жизнь. И не признаешься себе, что это ты, ты, ты сына, ты сама и больше никто!

ТЁТЯ ЛЮБА. Чего?

ИРА. А того. А кто ещё? Любила ты его? Ага. Любовь – это поступки, а ты что для него сделала? Богатство своё он из дома вытянул? Сука ты сама и больше никто. Улыбаешься, добренькая такая бабушка, бабулька. Змея ты золотая сама и есть. Укокошила сына, сына укокошила, не следила за ним, проворонила, проморгала, а теперь ходит всех, поучает, учит, как жить. Ты вообще, что в жизни понимаешь? Мудрая такая, что-то квакает сидит. У тебя вот, итог жизни: сын в могиле. Вот и вали со своей философией крысячей. Уйди или молоток возьму и зашибу тебя. Ползи в свою нору, в свою клетку, сказала?!

ТЁТЯ ЛЮБА. Как скажешь. Жираф большой, ему видней.

Ушла, хлопнула дверью. Ира держит Виктора за руку.

ИРА. Ничего, ничего, потихоньку. Я буду просто что-то говорить, говорить вслух, чтобы тебе не страшно было, чтобы ты слышал мой голос и знал бы, что я рядом. Ты засыпай, я буду говорить что-нибудь, я рядом. Ты спи.

Смотрит в окно, вытирает одной рукой слезы, а другой рукой гладит по красному байковому одеялу, которым закрыт Виктор.

Вот – весна пришла. До травки дожили. Самое главное – это. До травки дожить. Снег, смотри, какой черный, с черной грязной корочкой, он ползёт от дороги в лес, там прячется под деревьями, в гнилую листву уходит, исчезает. И грязь, и чистое тает, растворяется, исчезает и больше не будет его, не увидим. Снег был такой белый когда-то, так падал красиво, красивый падал, а потом долго шла и шла зима, и снег стал черный, всё поменялось. Почему – никто не знает. Но всегда белое становится чёрным и редко когда чёрное белым. Вот – дорога наша, машины стоят в очереди на переезд, вот поезд мимо проходит. Там люди в вагонах сидят, они смотрят на нас, на нашу жизнь, на наш переезд, на нашу шиномонтажу и мойку, на магазин запчастей, на автомойку, смотрят секунду и исчезают, поезд уносит их дальше, они улетают. И только секунду они думают про нас: ага, там кто-то живет, что-то делают, чем-то занимаются и что-то там происходит, но им в

поезде не до нас, а нам не до ихней жизни – проезжайте. Будто весь мир мимо нас едет, смотрят на нас с интересом, как на кроликов или крыс в зоопарке, только секунду смотрят и прочь. Кто мы им и зачем мы им нужны? Не нужны. Они не нас видят, а какую-то декорацию в театре, которая к их красивой жизни не имеет отношения. Мы что-то такое нарисованное за окном, посередине России, да, Витя? Горит огонёчек в избушке: а кто там сидит, что он думает, что он делает, что он ест – картошку или мясо? Плевать им на нас. Им не интересно. Из жизни червей, как сказала одна артистка по телику, я слышала. Едут и едут, жуют свои бич-пакеты, курицу жаренную – кто поедет в таком поезде, такие же, как мы, бичуганы, только они думают, что им хорошо, а этим за окном – плохо. Вот по вагонам идут цыганки с пуховыми платками, немые порнуху продают, тетki с одеждой – торгуют. Мимо, мимо. Пролетели. Тихо. Переезд открылся, машины проезжают, а в машинах тоже люди, они тоже смотрят на нас, видят: вот шиномонтажка, автомагазин, автомойка. Какие-то там люди едут, а мы на них смотрим – глазами встретились, отвернулись. Спи, спи, мой хороший. Я всё для тебя сделаю. И никому тебя не отдам. Я люблю тебя. Всякое в жизни бывает, но так бывает один раз в жизни.

Пошарила по карманам штанов Виктора, нашла пачку денег.

Молчит. Долго считает деньги, шевеля губами, улыбается.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Пронеслось ещё три дня.

Виктор сидит в шиномонтажке за столом. Перед ним клетка. Он кормит крысу морковкой, улыбается. Руки у Виктора перебинтованы. Подъехал «Мерседес», вышла из него Света, вошла в мастерскую.

ВИКТОР. Написано же на дверях: «Перерыв».

СВЕТА. И что? На заборе тоже написано много чего.

ВИКТОР. И что?

СВЕТА. Дома?

ВИКТОР. Дома. А где быть? Ванька дома – Маньки нет, Манька дома – Ваньки нет.

СВЕТА. Что?

ВИКТОР. Так.

СВЕТА. Худой, как велосипед.

ВИКТОР. Что?

СВЕТА. Ничего. Ну, что сидим?

ВИКТОР. Сидим вот. *(Поет)*. «Я твою фотографию! Я храню на груди! За глаза твои алые! За глаза твои шалые!»

СВЕТА. Придурок лагерный. У тебя в голове показания нормальные?

ВИКТОР. Песню пою. А вот стихи есть про нашу дорогу: «На двести седьмом километре! В лесу, вдалеке – Тугылым! Стоит, краснорож и обветрен! Мужчинка с товаром своим! Торгует он не ширпотребом! Три банки: соленья, груздки! Товар никому не потребен! Купите меня, мужики!»

СВЕТА. Да ты, гляжу, молорик у нас. Молорик ты. Сам сочинил? Поэт.

ВИКТОР. Сам.

СВЕТА. Ну и дурак.

ВИКТОР. Я знаю.

СВЕТА. Да, надо было крепче сшивать. А то я всё как-то наживульку сделала.

ВИКТОР. Чего сшить собралась?

СВЕТА. Наши отношения.

ВИКТОР. У нас были отношения? А, да. Целая жменя отношений у нас была.

СВЕТА. Чего?

ВИКТОР. Жменя. Ну, вот столько – как в кулачке.

Смеётся, с крысой играет.

СВЕТА. Мерзость какая, выкинь ты её. Надо её за хвост и об дверь ударить.

ВИКТОР. Займись.

СВЕТА. Морковкой ее кормишь? Хорошо крысе. Чамкает, чавкает. Морковку ей дали. Она слаще морковки никогда ничего в жизни не ела. На тебя похожа, замечаешь?

ВИКТОР. Да. Такие же глазки красненькие. Испуганные, как у меня, и в говне в таком же сижу, в грязи.

СВЕТА. Это ты сказал, я ничего не говорила.

ВИКТОР. Да она чистая, ухаживает за собой.

СВЕТА. А ухаживай не ухаживай – сидит она в говне и в клетке, и морковке радуется.

ВИКТОР. Радости мало в жизни. Вот и радуется.

СВЕТА. Да, да.

ВИКТОР. У крыс очень развит интеллект, слышала?

СВЕТА. Вот как ты заговорил? Слова какие-то употребляешь. Не к лицу. Красивый, но дурак. Был, пока не подобрала тебя. А теперь и слова красивые начал.

ВИКТОР. Одно к одному. Я много чего знаю. Ты же со мной не говорила. Сразу в койку потащила.

СВЕТА. Помолчи. А что с тобой разговаривать? Расспрашивать про жизнь твою? Да я всё узнала, прежде чем к тебе приехать. Я ведь долго за тобой ездила, наблюдала, потом пробивала тебя по личным связям – сейчас это нетрудно.

ВИКТОР. Пробила? Мата Хари.

СВЕТА. Да, пробила. Кличка у тебя в школе была Челнок. Не потому, что ты шустрый был, а потому, что мама была челночница, каталась в Турцию, сумки полосатые таскала. Ну и дотаскалась – где-то ей тебя на сумках на этих и сделали. А кто – она не знает и не помнит, и потому отчество у тебя по её отцу – Иванович. Папа был красивенький, наверное, раз ты такой?

ВИКТОР. Наверное.

СВЕТА. Быдло. Рямок. Ненавижу вас. За покорность вашу, за раболепие.

ВИКТОР. Я знаю. Ты ведь не быдло.

СВЕТА. Да. А теперь маманька твоя пьет. Вот уже не первый год. Высохла совсем, скоро лапти, поди, склеит от водки. Деньги у тебя ворует. Отчим помер. А ты хоть и красив, но болен. Псориаз. А как понервничает – весь в блямбах. Гены. А что ты хотел? Родился в девяностые. Что она ела, что она пила, как жила – то и родила. Так?

ВИКТОР. Так.

СВЕТА. Ну, что ты «такаешь»?

ВИКТОР. Так, так и перетакивать не будем. Дак раз я такой, что ты меня тащишь, чего приезжаешь, чего тебе от челнока с псориазом надо?

СВЕТА. А теперь уже ничего. Ты заглянул за занавеску и увидел другой мир, а теперь я посмотрела и увидела: а нет там ничего. Ты украл у меня тогда много, на вот, ещё. Забери. Может, счастье тебе принесут эти бумажки. Вы, зверьки, только и думаете, что всё ваше счастье вот как раз в этом. В этих бумажках, в их присутствии в кошельке. Вот и сидите, дуетесь, как эта крыса, злитесь на тех, у кого они есть, эти бумажки, сидите и завидуете.

ВИКТОР. Да никто тебе не завидует, дура, с чего ты взяла вот это, с чего?

СВЕТА. Ну да, рассказывай. Вот, я тебе сейчас эту пачку положила перед тобой, ты же мне ее не кидаешь в лицо возмущённо: забери, дура, не надо мне от тебя ничего, а сидишь, ждёшь, чтобы я ушла, и ты пачку пересчитаешь, и спрячешь себе в карман, ну что, не так, не правильно я говорю?

ВИКТОР. Правильно. Кинуть надо в тебя?

СВЕТА. Не надо красотостей. Тут много денег, можешь не считать – три года твоей работы в шиномонтажке тут. Так что закрывай на клюшку и поезжай, три года покатайся по миру, а то ведь ты дальше Пышмы не ездил.

ВИКТОР. А я Малышка покормлю этими бумажками. Они промасленные. В руках их мяли, грязные они, он их и пожрёт. Давай, хочешь схомячить это, Малышок? А не схомячишь, то просто шелуху из них сделай. И сделает он себе постельку из этой трухи, в домике своем, и будет ему легко и вкусно спатиньки. Ему насрать, что это деньги. Что шило, что пыло. Для него – это бумажки, постелька просто. Думаешь, не будет жрать?

СВЕТА. Будет. Они же в крови.

ВИКТОР. Пафосная какая ты.

Виктор просовывает сквозь прутья клетки деньги, Малышок жуёт их.

Света вырвала пачку из рук Виктора. Кинула в сумку.

Чего ты бесишься? Вернуть меня хочешь? Не вернёшь.

СВЕТА. Да я уж поняла это.

ВИКТОР. Бесится.

СВЕТА. Никто не бесится. Что ты о себе такое подумал? Да тебя нет для меня. Знаешь, ты как сломанный ноготь. Вроде, в начале неприятно, неудобно, как срежешь, он шершавый такой, мешает так. А потом пилочкой его подправишь – попилить, снова лаком покрыть и привыкаешь, снова ноготь становится гладенький, розовый, чистенький. Как все.

ВИКТОР. Ну и хватит на этом.

СВЕТА. Да. Всё в меру, как сказал Джавахарлар Неру.

ВИКТОР. Давай уже, иди.

СВЕТА. Эх ты, чудовище лесное. Я ж тебе другую жизнь показала: дом в три этажа, прислуга - филиппинка, садовник - хохол, хрусталь, золото, серебро, кровать с балдахином, простыни мягкие, пахучие, кокс. Он же тебе понравился? Пил, ел, улыбался – не вырвало?

ВИКТОР. От отравы твоей я босиком от тебя убежал.

СВЕТА. Да я ехала за тобой, когда ты бежал. Я ж тебя успокоить не могла. Всё орал и орал про какого-то Будду. Ну, бывает. Всякие глюки. Перебрал. С непривычки. Я видела, что ты сюда прибежал, не стала за тобой бегать, думаю – пусть отлежится.

ВИКТОР. Штирлиц. Много разговариваешь.

СВЕТА. А мы люди. Не крысы. Мы должны разговаривать. Мы много говорим всегда.

ВИКТОР. С мужем? С детьми ты говоришь?

СВЕТА. И с ними тоже. Ты ничего не понял. Да. Мы должны выговариваться. Так мне мой психотерапевт говорит.

ВИКТОР. Ходишь?

СВЕТА. Хожу. Выговариваюсь, и он учит меня жить.

ВИКТОР. Ах, вот откуда всё.

СВЕТА. Оттуда, да.

ВИКТОР. Ну и как жить, научи?

СВЕТА. Учитель приходит, когда готов ученик.

ВИКТОР. Да что ты?!

СВЕТА. А ты не готов.

ВИКТОР. Тогда иди, ищи готового.

СВЕТА. И пойду.

ВИКТОР. И иди.

СВЕТА. Поищу, не боись.

ВИКТОР. Ты всегда на боевом посту? А вдруг меня тут не было бы?

СВЕТА. Куда ты на хер денешься с подводной лодки.

ВИКТОР. А ведь муж твой знает всё про тебя. А ты про него. И как вы в такой лжи живете?

СВЕТА. А у нас свободные отношения.

ВИКТОР. Баба в семье генерал?

СВЕТА. Именно.

ВИКТОР. Ну, всё, надоела уже со своими нравоучениями. Иди. Хватит уже меня тут снова мурыжить.

СВЕТА. Мурыжить? Сельпо.

ВИКТОР. Сельпо.

СВЕТА. Значит так, ты, козлик сраный, крыса грязная – ну-ка пошел, взял мое колесо и отремонтировал, быстро, ну?

ВИКТОР. Что, опять колесо ножичком порезала? Чтоб повод был змее золотой приползти на помойку?

СВЕТА. Да нет, пробила колесо и вправду. Машина для Запада сделана, не для наших дорог. Съехала в колею, а там гвоздик.

ВИКТОР. Напоролась на ржавый гвоздь. Ехала, поди, и ждала парня нового, из поселка который, думала – а теперь за него возьмусь. Ты же всё, что возле дорог лежит, подбираешь, так, нет?

СВЕТА. Иди и делай. Или позвоню твоему хозяину – не рассчитаешься. Кердык тебе придет. Иди.

ВИКТОР. От ненависти до любви?

СВЕТА. Один шаг, да. Иди.

ВИКТОР. Сейчас, абгрейдим твоё колесо. Шевельнём это дело, куда торопишься?

Виктор смеётся. Достал крысу из клетки. Держит её в руках, идет к Свете, смеётся.

СВЕТА. Что ты смеёшься?

ВИКТОР. Малышок, видел ты когда-нибудь змей? Ты их не бойся, ты их в голову сразу кусай. Заражай их крысиным ядом.

СВЕТА. Крысиным ядом крыс травят. У змеи есть яд, а у крысёнка нету.

ВИКТОР. Есть. Укуси змею и ей сразу капут. Хвостом бить начинает – потом: судороги, понос, смерть. Как в анекдоте: «Жестокие поносы преследовали Золушку. – А вот тебе хрустальная пробка! – сказала ей Фея. – Только помни: в 12 часов ночи пробка превратится в тыкву!» ...

СВЕТА. Как смешно. Идиот. Иди, работай.

ВИКТОР. Сейчас крыса тебя укусит и пойду.

СВЕТА. Я боюсь их. Убери гадость эту. Отвали. Я ненавижу крыс!

ВИКТОР. Малышок, фас на змею золотую, фас!

СВЕТА. Идиот. Отвали!

Света выскочила. Села в машину, уехала.

Снова через переезд летит поезд. Горит красный свет, звонок звенит.

Виктор стоит на пороге. Смеётся, крыса на его руках сидит, нюхает носом апрельский воздух.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

И снова три дня прошло.

Виктор сидит под «грибком», курит. Ира стоит у дверей магазина. Курит. Тётя Люба стоит у дверей автомойки – курит.

Тепло. Середина апреля.

Солнце лупит, снег растаял, трава зелёная появилась, даже подснежник один расцвел в лесу, а рядом с ним одуванчик.

Снега почти нет, ушел. Грязь кругом. Но и она уплывает с ручьями.

Какие-то собаки черные бегают возле шиномонтажки, землю нюхают.

Люба пришла под «грибок», села рядом с Виктором.

ТЁТЯ ЛЮБА. Солнце сегодня.

ВИКТОР. Солнце.

ТЁТЯ ЛЮБА. За день высохло.

ВИКТОР. Ну.

ТЁТЯ ЛЮБА. У меня бабка в апреле умерла. Много лет назад. Старая была уже, ей было 90 лет. Она уже уходила, и все понимали это. Целый год молчала, ни с кем не разговаривала, ей всё было не интересно. И вот однажды, а я была ещё маленькая, она мне тихо, на ухо стала говорить: «Ты знаешь, я всё время вижу на стенах и сквозь стены растения. Их так много, такие тонкие стебли у них, они всё время выются и как будто растут вверх, вверх. Они не останавливают движение. Всё время растут. На них нет никаких цветов, только листья. Удивительно красивые. Невозможно красивые. Растут в тишине, выются. Они тихо, бесшумно всё время растут и растут, извиваются, растут на стенах. Немыслимо красивые». А потом помолчала и добавила: «Я думаю, что скоро меня эти растения заберут к себе. Поэтому они тут растут на стенах, везде, вокруг меня, они

будто зовут меня к себе». Вот так. Прошел месяц и она умерла ... Стала видеть сквозь стены. Я вот старая становлюсь и думаю, что я тоже всё вижу про людей: мне всё становится про всех понятно, я всё вижу насквозь, мне становится скучно, не интересно жить. Когда все поступки людей для тебя объяснимы. Когда все слова - ложь, а за ними совсем другое. Ты видишь всё и всё понимаешь иначе, не так, как оно выглядит. И становится скучно. Ты видишь сквозь стены. И видишь, что всё ложь и враньё в жизни, все самцы и самки, всё построено на притворстве и на похоти. Не так?

ВИКТОР. А я вот весну люблю.

ТЁТЯ ЛЮБА. Высохло всё за один день, надо же. Чисто вдруг стало.

ВИКТОР. Ну.

ТЁТЯ ЛЮБА. Жила я в Хасавюрте, у меня там квартира была. Замужем была, муж был, вот он помер, мне от него квартира досталась. И фамилию оставил. Я ведь не Остапова, как Остолопова, а Белокурова.

ВИКТОР. Красиво.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну да. Белокурова почти что. Хоть как назови, хоть горшком, только в печку не ставь. Ну вот, квартиру он мне оставил, а это значит – моя квартира. Потому что чей бы бычок не прыгал, а теленочек наш.

ВИКТОР. И где квартира?

ТЁТЯ ЛЮБА. Пропила, где. Прошикала, прогуляла. Как-то – раз! – и нету её. Ну так делали тогда, подплывали и бумагу подписывать надо. Время было такое. Я и подписала, дура. Одна всю жизнь, без мужика. Кто поможет. Кто подскажет? Некому. Одна. И что? Жар-Птицы стаями не летают.

ВИКТОР. Ты – Жар-Птица?

ТЁТЯ ЛЮБА. Не похожа? Похожа. Среди сучек я – лучик.

ВИКТОР. Все время виноватят. Себя – нет.

ТЁТЯ ЛЮБА. Конечно, я не виновата. Время такое было. А мне только и надо было, чтобы освободиться. Я свободу люблю. Бродяга я. Я и пошла.

ВИКТОР. Куда?

ТЁТЯ ЛЮБА. Пошла дальше искать счастья.

ВИКТОР. Чего искала?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну, считай - на свою попу приключение искала.

ВИКТОР. Нашла приключения?

ТЁТЯ ЛЮБА. Приключения нас ждут за каждым поворотом.

ВИКТОР. Нашла?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну, что-то нашла. Что-то потеряла.

ВИКТОР. Может, это и было приключение?

ТЁТЯ ЛЮБА. Может.

ВИКТОР. Ты вот много искала, скажи, а есть оно – счастье?

ТЁТЯ ЛЮБА. Есть. И здесь, и где-то там.

ВИКТОР. Где – там?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну, вот у меня сейчас в боксе счастье.

ВИКТОР. Кто там у тебя?

ТЁТЯ ЛЮБА. Пошли.

Вошли в бокс. Тётя Люба голову подняла, пальцем тычет.

Видишь?

ВИКТОР. Нет.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ласточки гнездо делают.

ВИКТОР. Ласточки?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну да. Где-то глину находят, прилетают и лепят гнездо.

ВИКТОР. Правда?

ТЁТЯ ЛЮБА. Видишь? Вчера тепло было, я ворота открыла. Не успела оглянуться, а они давай под потолком гнездо делать. За полдня сделали.

ВИКТОР. И что теперь?

ТЁТЯ ЛЮБА. Теперь ворота не закроешь. Как же я закрою – она там будет сидеть, а он не прилетит к ней, её мужик.

ВИКТОР. Кто?

ТЁТЯ ЛЮБА. Ее мужик. Ну, птах её. Она там уже сидит. Видишь? Я же не могу её как в клетке закрыть. Ей свобода нужна.

ВИКТОР. Дак, а вдруг мороз?

ТЁТЯ ЛЮБА. Не будет. Я наколдую, чтоб не было.

ВИКТОР. А машины мыть как? Не помешаешь им?

ТЁТЯ ЛЮБА. Не, я осторожно. Месяц-другой только. Хозяину скажу, что проветриваю, что сырость тут.

ВИКТОР. И правда - сырость.

ТЁТЯ ЛЮБА. Ну да. Видишь, как верещат, пищат, летают туда-сюда. Счастье у них. Домик построили.

ВИКТОР. Счастье.

ТЁТЯ ЛЮБА. Да. И высоко. Никакая змея золотая не заберётся туда к ним.

Они стоят в боксе, задрали головы, смотрят на ласточек, на их гнездо. Смеются.

Ира пришла, встала рядом, тоже смотрит вверх, тоже смеется.

Темнота

Занавес

Конец

май 2016 года, город Будва, Черногория